

Тучи над сценою встали

Права. — 1998. — 28 ая

К чему ведет конфликт в Театре на Таганке

Для моего поколения шестидесятников этот театр по-особому дорог. В любое время тотального вклада во рту мы слышали с его сцены голос правды, пусть приглушенной и часто инскапательной, но животворной. Мы радовались нестандартному, впечатляюще выразительному искусству режиссеров и актеров, которое представляло здесь перед нами. Со всей своей труднейшей и основательно надломанной судьбой он стал для нас театром-легендой. И вдруг...

Да, для меня и, уверен, для многих это произошло именно вдруг. Целый ряд газет облетело сенсационное известие о конфликте или даже скандале, который вспыхнул в издавна любимом театре. Конфликт? Скандал? Не хотелось верить. И наша газета сознательно хранила молчание по этому поводу, надеясь, что все в конце концов образуется. Однако время идет, а признаки ухудшения ситуации не замечено. Боль и тревога за театр диктуют эти заметки.

С чего началось? Со слуха, который прокатился в театральном коллективе, до предела возбуждавший его: художественный руководитель Юрий Любимов хочет приватизировать театр и разогнать большую часть труппы. В свое время, когда тот же Любимов остался в Англии и был ли-

шен советского гражданства, а сменивший его на посту главного режиссера Анатолий Эфрос умер, актеры бросились к бывшему своему сотоварищу по коллективу, ушедшему в кино, — к Николаю Губенко. Зная его организаторские и волевые данные, попросили: «Коля, спасай театр, бери на себя руководство». И он тогда взял этот тяжкий груз, проведя сложный театральный корабль через рифы и мели, вплоть до того момента, когда появилась малейшая возможность позвать обратно Юрия Петровича Любимова. Он же и позвал. По его частному приглашению тот приехал в Союз и, живя у него на квартире, дорабатывал заветного «Бориса Годунова», где Губенко стал играть главную роль. Как мы знаем, играл ее потом даже в ранге министра культуры.

Так все сложилось. В тогдашнем финале — почти идиллически. А теперь, когда над труппой опять нависли черные тучи, актеры снова бросились к Губенко: «Выручай, помоги!»

Мог ли он не откликнуться? Я представляю, сколь неистово психологически было ему вступить в противостояние Любимову. Это же понятно: тот — Основатель,

Учитель, Мастер. Но с другой стороны находился чуть ли не весь коллектив, оказавшийся перед угрозой разгона. Губенко выступил на собраниях в его защиту. А дальше...

Дальше к нему поступило официальное извещение: в услугах Губенко театр больше не нуждается. Конечно же, сообщил об этом художественный руководитель. А когда Николай Николаевич все-таки пришел на очередной спектакль «Владимир Высоцкий», где он был занят, его встретил наряд муниципальной милиции или ОМОНа. Говорят, во главе с майором. Чтобы не допустить смутяна до сцены. Вот так-то обернулась былая идиллия...

Звоню Юрию Петровичу: как же могло такое произойти?

— А в чем, собственно, дело? — с нескрываемым раздражением парирует он. — Господин Губенко в моем театре не работает. Что же касается приватизации, то все это — клевета, свирепость!

Он говорил настолько страстно и убедительно, что я почти поверил. Однако, как выяснилось, зря. В театре мне показали ксерокопию документа, адресованного мэру Москвы Гавриилу По-

пову и озаглавленного весьма красноречиво: «Контракт». В нем черным по белому значилось: «Если назначена будет приватизация театра, у меня должно быть право приоритетной покупки или создания акционерного общества с правом привлечения иностранных коллег по своему выбору».

Как видите, все предельно четко. Нет, сейчас приватизация учреждений культуры пока не разрешена. Но что будет завтра?

Думаю, не напрасно и не случайно старался Юрий Петрович хранить этот документ в глубочайшей тайне. Только ведь шила в мешке не утаишь! Кажется, машинистка выдала. И узнали актеры, что никакими правами по тому контракту они со временем обладать не будут, а все права, буквально все, перейдут к Юрию Петровичу, что он один будет нанимать и увольнять «участников очередных работ», что спор, же вопросы будут решаться в Международном суде (Швейцария, Цюрих) — а где у них валюта для этого?

— Разумеется, были или есть театр Товстоногова, театр Марка Захарова, театр Любимова, — говорит мне Николай Губенко, тоже не скрывая некоторого

раздражения. — Но ведь Юрий Петрович, имея уже двойное гражданство — Израиля и СССР, наезжал в театр из-за рубежа только время от времени, очень редко. Он и сейчас работает лишь с малейкой актерской группой, ставя «Эдипу» и намереваясь сразу вести ее в Грецию. И эта группа, естественно, за него: пахнет долларами. Поймите, мне трудно говорить об этом человеке плохое, но вынужден.

Увы, с огорчением сознаю, что оба они (споряча, в запальчивости?) даже без прямого позвола и вроде не к месту старались сказать мне друг о друге что-нибудь, с их точки зрения, дурное и компрометирующее.

Как же досадею, как чреват неблагоприятным любой скандал! Зашуганные и растерянные артисты в театре, даже из ведущих, жалуются на Любимова, вместе с тем просили, чтобы я ни в коем случае не называл в газете их фамилий. Но о Губенко они же говорили очень тепло: болеет за коллектив (Любимов даже слова этого не выносит, считая его чисто советским понятием). Услышал я, что и о карьере Николая Николаевича, о его стремлении захватить

театр, оставшись без поста союзного министра (любимовская версия), говорить не прихотится: он и сейчас занимает руководящие должности в двух престижных организациях, а к тому же рвется поставить наконец после долгого перерыва новый фильм...

Итак, каков же вывод? Театр вследствие возникшего конфликта — на грани распада, разделения по крайней мере надвое. Но на пользу ли это будет ему и всем нам? Мы же знаем о других разделившихся театрах — ничего хорошего там такое не даю.

Верно: Любимов — отец театра. Тем более уместно, думаю, вспомнить старинную притчу, использованную, кстати, и в фильме «Кавказский меловой круг» Бертольда Брехта, любимого Юрием Петровичем драматурга. Когда судье приходится решать, какой из двух женщин отдать ребенка, на которого обе они претендуют, он предлагает им взять его и потянуть в разные стороны: какая осилит, та и возьмет. Истинная мать откажется тянуть: «Что же, мне его разорвать что ли? Не могу я так».

Истинный отец, надеюсь, все-таки тоже не сможет...

Виктор КОЖЕМЯКО.